

Журнал "ВРЕМЯ"

№3,МАРТ, 1862 год

Исторія новой философіи, Куно–Фишера. Т. I.

Классическій вѣкъ догматической философіи. Перев. Н. Страхова.

Изд.

Н. Тиблена. Спб., 1862.

Въ послѣднее время у насъ обнаружился нѣкоторый интересъ къ философіи. Въ лучшихъ журналахъ стали появляться статьи о философскихъ предметахъ, появились новыя имена, которыя стали упоминаться съ прибавленіемъ названія — *философъ*. Все это можно считать указаніемъ на то, что у насъ существуетъ потребность въ ознакомленіи съ философіею. Въ виду такой потребности безъ сомнѣнія и издается Куно–Фишеръ въ русскомъ переводѣ.

Мы не будемъ говорить о достоинствахъ этого сочиненія тѣмъ болѣе, что похвалы и порицанія здѣсь подвергаются опасности или стать голословными, или сдѣлаться непонятными. Понимать достоинства философскаго сочиненія и даже отличить философское сочиненіе отъ такого, въ которомъ нѣтъ и тѣни философіи, можетъ только тотъ, кто уже знакомъ съ философіею. Поэтому мы возьмемъ лучше предметъ болѣе общій, именно вопросъ: *какъ знакомиться съ философіей?* Въ настоящее время тутъ встрѣчается повидимому большое затрудненіе. Господствующей школы нѣтъ; есть множество разныхъ системъ и школъ, слѣдующихъ тѣмъ или другимъ философамъ. Есть даже такіе мыслители, которые считаютъ правиломъ никому не слѣдовать, и тоже усердно приглашаютъ слѣдовать за собою. Спрашивается, съ кого же начинать? Кому слѣдовать, кого изучать?

На это затрудненіе Гегель отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: «какъ бы нибыли различны между собою разныя философіи, у нихъ однакоже то общее, что всѣ онѣ суть философіи. Слѣдовательно кто изучилъ и усвоилъ себѣ какую бы нибыло философію (если только впрочемъ это настоящая философія), для того философія уже знакома, уже своя.»

Разсужденіе чрезвычайно наивное, но какъ читатель долженъ согласиться, совершенно справедливое. Конечно мы сейчасъ бы захотѣли *наилучшей*, наивѣрнѣйшей философіи, захотѣли бы стать

наилучшими философами; но прежде чѣмъ заноситься съ высокими требованіями, очевидно нужно умѣть исполнить требованія болѣе простыя. Если ужъ мы непременно хотимъ быть философами, то лучше быть хоть какими–нибудь философами, чѣмъ вовсе не быть никакими. Если мы такъ усердно хлопочемъ о философіи, то лучше имѣть какую–нибудь философію, чѣмъ не имѣть никакой. Или, говоря словами старушки, которыя любилъ повторять Гегель: «дурная погода еще ничего; гораздо хуже бы было, если бы вовсе не было погоды.»

Поэтому ничего не можетъ быть ядовитѣе того замѣчанія, которое дѣлаютъ злые люди: говорятъ, будтобы у насъ много толковъ о философіи, но самой философіи еще неимѣется.

Наивное разсужденіе Гегеля, которое мы привели, существенно согласно съ его ученіемъ и съ этой стороны какъ нельзя лучше рекомендуетъ самое ученіе. Въ самомъ дѣлѣ оно указываетъ на какой–то широкій и прямой либерализмъ, на величавое спокойствіе мышленія и полное довѣріе его къ себѣ. Для философа, который такъ думаетъ, никакая система не кажется вредною и опасною, ни одна философія не считается ересью и соблазномъ, ни на одну не налагается запрещеніе и не воздвигается гоненіе. Собственная система Гегеля, по мысли ея основателя, должна быть такова, что она свободно, силою своего мышленія поднимется выше другихъ системъ и возобладаетъ надъ ними.

Такой взглядъ впрочемъ мы уже привыкли считать философскимъ взглядомъ вообще. Исключительность, нетерпимость въ мнѣніяхъ и убѣжденіяхъ мы привыкли считать признакомъ не–философскихъ убѣжденій. Кто хочетъ философствовать, тотъ долженъ отказаться отъ нетерпимости, какъ отъ свойства, противнаго философіи. Но дѣло это не такъ легко, какъ нелегко вообще достигнуть *настоящей* философіи. Понятно поэтому, что мы нашли напримѣръ нетерпимость въ рецензіи на переводъ Куно–Фишера, помѣщенной недавно въ «Современникъ» (февраль 1862). Мы примкнемъ наши разсужденія къ этой рецензіи, такъ какъ она можетъ служить для нихъ нагляднымъ поясненіемъ, какъ фактъ, какъ примѣръ того, *что* иногда дѣйствительно думаютъ люди.

Сущность рецензії заключається въ томъ, что книга Куно–Фишера есть книга опасная, вредная, какую можно еще терпѣть въ Германіи, но никакъ не у насъ. Основаніе этому то, что Куно–Фишеръ есть гегелистъ и слѣдовательно въ извѣстномъ смыслѣ философскій еретикъ и отступникъ. В Германіи, гдѣ такъ распространена философія, его ересь не можетъ имѣть большого вліянія; но у насъ совсѣмъ другое дѣло. «У насъ — жалуется «Современникъ» — въ массѣ нѣтъ даже элементарныхъ свѣдѣній по исторіи философіи», «у насъ эта исторія неизвѣстна большинству даже въ общихъ чертахъ», «у насъ нѣтъ возможности каждому судить о философской книгѣ»^(1[1]). И слѣдовательно книга Куно–Фишера можетъ у насъ подѣйствовать самымъ ужаснымъ образомъ, можетъ заразить дѣвственные умы русскихъ читателей гибельнѣйшимъ ученіемъ, именно ученіемъ, которое несогласно съ мнѣніями «Современника».

Справедливо ли это? На первый взглядъ кажется едвали такъ. Куно–Фишеръ хитеръ какъ настоящій нѣмецъ; вслѣдствіе этого онъ занялъ повидимому совершенно неприступную и неподверженную опасности сомнѣнія позицію. Онъ вѣдь пишетъ «исторію философіи». Слѣдовательно, если вообразимъ его передъ слушателями вродѣ рецензента «Современника», то онъ могъ бы обратиться къ нимъ съ такою рѣчью:

«Я желалъ бы познакомить васъ съ философіею. Но вы вѣдь смотрите на меня недоверчиво и подозрительно. Среди сумятицы мнѣній, которая кипитъ около васъ, вы не въ состояніи отдѣлаться отъ скептицизма и предаться спокойному, полному убѣжденію. Поэтому я и не стану вамъ проповѣдывать и доказывать собственныхъ мыслей. Займемся лучше дѣломъ, фактами, исторіею. Можетъ–быть вы думаете напримѣръ, что даже вовсе не должно философствовать. Положимъ и такъ. Но что Декартъ, Спиноза и т. д. философствовали, это никакъ не моя вина и измѣнить этого уже никакъ нельзя. Еслибы я сталъ умствовать предъ вами, вы можетъ–быть захотѣли бы заставить меня

^(1[1]) Здѣсь рецензентъ намекаетъ вѣроятно на другія планеты; потомучто на земномъ шарѣ нѣтъ, не было и конечно не будетъ никогда уголка, гдѣ бы *каждый* могъ судить о философскихъ сочиненіяхъ.

молчать. Но прошлого уже не воротишь. Истребить и изгладить историческое явление и значение Декарта, Спинозы и пр. уже невозможно. Я надѣюсь, вы не станете отвергать пользу изучения исторіи. Исторія очень поучительна. Она состоитъ не изъ мечтаній и предположеній, а изъ изложенія дѣйствительныхъ *фактовъ*. А факты — кто скажетъ хоть слово противъ фактовъ?»

Такую — нужно сказать правду — хитрѣйшую уловку употребилъ Куно–Фишеръ. Злоумышленная цѣль его совершенно ясна: онъ хочетъ познакомить читателей сперва съ какою–нибудь философіею, потомучто увѣренъ, что кто началъ философствовать, тотъ можетъ–быть достигнетъ и наилучшей философіи; если же кто вовсе не будетъ философствовать, тотъ не будетъ обладать нетолько вѣрнѣйшей философіею, но и ровно никакой.

Итакъ повидимому Куно–Фишеръ стоитъ незыблемо–твердо. Такъ напримѣръ въ первомъ томѣ онъ подробно излагаетъ ученія Декарта и Спинозы. Если васъ интересуеетъ исторія умственного развитія, если вы считаете нужнымъ имѣть понятіе о томъ и другомъ ученіи, читайте; если же нѣтъ, — ну тогда разумѣется съ вами трудно справиться.

Чтоже нашолъ возразить противъ Куно–Фишера рецензентъ? А вотъ что онъ говоритъ:

«Куно Фишеръ есть послѣдователь Гегеля; вся его исторія философіи направлена къ тому, чтобы оправдать и доказать основныя положенія гегелизма, которыя будтобы составляютъ сущность всякой возможной философіи.»

И затѣмъ рецензія многократно и настойчиво утверждаетъ, что будтобы въ книгѣ Фишера ученія философовъ *извращены, передѣланы, перестроены, перетолкованы...*

Какой жестокой обманъ! подумаетъ иной читатель и пожалуй удивится глубокому коварству нѣмца и неменѣе глубокой пронизательности русскаго рецензента.

Но если благосклонный читатель вздумаетъ провѣрить, въ чемъ же искажены Куно–Фишеромъ системы Декарта и Спинозы, то къ немалому огорченію для своей любознательности, онъ ничего не найдетъ въ

«Современникъ». Рецензентъ не приводитъ ни одной черты, ни самага малаго доказательства своихъ словъ.

Это даже можетъ показаться страннымъ. Любезный и снисходительный читатель можетъ подумать, что рецензентъ, твердя такъ много объ искаженіяхъ и извращеніяхъ, самъ однакоже даже не читалъ книги; что если и читалъ, то не въ силахъ судить о томъ, вѣрно или нѣтъ изложены Декартъ и Спиноза; что слѣдовательно во всякомъ случаѣ онъ оклеветалъ книгу, такъ какъ имѣть въ рукахъ доказательства и не представить ни одного — дѣло очень странное и подозрительное.

Оно объясняется однакоже гораздо проще. Рецензентъ просто добродушнѣйшимъ образомъ повѣрилъ своему собственному глубокомысленному соображенію, состоящему въ томъ, что если книга написана гегелистомъ, то не можетъ быть, чтобы въ ней небыло искаженій. Умозаключеніе это очень обыкновенно и слѣдовательно стоитъ обратить на него серьезное вниманіе. Недавно намъ случилось слышать слѣдующій разговоръ:

— Въ новой книжкѣ «Современника» есть рецензія на Куно-Фишера.

— Ну чтоже? Хороша?

— Помилуйте, развѣ можетъ быть хорошая рецензія на философскую книгу въ «Современникѣ»?

Вотъ заключеніе, сдѣланное совершенно по той же методѣ, по которой судить рецензентъ. Не знаемъ какъ оно нравится ему, но намъ положительно не нравится. Мы находимъ его слишкомъ легкомысленнымъ, неудовлетворяющимъ логической строгости и потому дающимъ неправильный выводъ. Такъ опрометчиво судить не слѣдуетъ. Мы находимъ совершенно неосновательнымъ предполагать, что въ «Современникѣ» никогда, ни въ какомъ случаѣ не можетъ явиться хорошей философской рецензіи. И потому, когда дѣло касается такой рецензіи, мы считаемъ необходимымъ судить по самому факту, по самой рецензіи.

Для вящшей ясности продолжимъ еще нѣсколько эти интересныя соображенія. Прилагая общія идеи къ предметамъ близкимъ, вполне

всѣмъ знакомымъ, мы можетъ—быть успѣемъ сдѣлать эти идеи болѣе наглядными и понятными.

Представьте, какъ бы мы хороши были, еслибы вздумали нападать на «Современникъ» слѣдующимъ образомъ:

«Современникъ» есть журналъ исполненный всякихъ искаженій и извращеній, всякой лжи и фальши. Потомучто «Современникъ», какъ извѣстно, издается подъ редакцію г. Чернышевскаго. Слѣдовательно все, что излагается въ этомъ журналѣ, непременно перестраивается, передѣлывается и измѣняется такъ, какъ это нужно для полного согласія съ мнѣніями г. Чернышевскаго. И потому всякій читающій «Современникъ» подвергается опасности впасть во всякаго рода ложь и заблужденіе.»

Или напримѣръ — въ послѣдней своей статьѣ г. Антоновичъ ссылается на физиологію. Хорошо ли было бы возразить ему такъ: — «Шутите! Такъ мы вамъ и повѣримъ! Будто мы не знаемъ, что у васъ всѣ ссылки перепутаны и искажены съ заднею мыслью!»

Или вотъ — рецензентъ, котораго мы разбираемъ, находить, что было бы «ужь слишкомъ странно сказать, что вся философія трудилась и работала для того, чтобы выработать Гегеля съ его воззрѣніями.» Что, еслибы мы въ подражаніе этому сочинили бы слѣдующее возраженіе противъ г. Чернышевскаго: «Ужели кто можетъ думать, что вся русская литература трудилась и работала для того, чтобы выработать г. Чернышевскаго съ его воззрѣніями?»

Не правда ли, что подобныя выходки съ нашей стороны не возбудили бы ничего, кромѣ смѣха? Всякій могъ бы очень резонно отвѣчать намъ на нихъ такъ: сколько вы ни толкуйте на эту тему, вы ничего не докажете. Покажите, въ чемъ состоятъ извращенія и искаженія «Современника», тогда другое дѣло. А до тѣхъ поръ, пока вы этого не сдѣлаете, мы все—таки будемъ полагать, что и въ «Современникѣ» можетъ быть что—нибудь дѣльное, и что г. Чернышевскій не ошибается непременно во всемъ, что онъ ни скажетъ.

Всѣми этими примѣрами мы хотѣли показать, что «Современникъ» учить своихъ читателей очень опасной для него самого логикѣ. Эту

логику, какъ мы сказали, мы признаемъ недостаточною. Мы думаемъ, что для того чтобы судить о книгѣ Куно–Фишера, недостаточно знать только, что он гегелистъ, но нужно вникнуть въ самую книгу. Какъ излагаетъ философскія системы Куно–Фишеръ? О своихъ приемахъ въ этомъ дѣлѣ онъ говоритъ весьма обстоятельно и отчетливо. Въ предисловіи онъ выражается такъ:

«Въ отношеніи къ произведеніямъ философіи я стану на такую точку зрѣнія, которая необходимо должна предохранить мое изложеніе отъ всякаго предубѣжденія, способнаго исказить его, и отъ всякихъ вставокъ, могущихъ нарушить его правильный ходъ. При разсмотрѣніи явленій природы, когда дѣло идетъ объ ихъ законѣ, нѣтъ мѣста предразсудкамъ и невозможно никакое пристрастіе; при изложеніи драматическихъ характеровъ, когда нужно воспроизвести ихъ во всей жизненности, нѣтъ мѣста постороннимъ рѣчамъ и всякій лишній эпизодъ будетъ лишнею остановкою. По моему мнѣнію системы философіи точно также необходимо разсматривать, какъ явленія закономѣрной природы, потомучто онѣ суть завершенные продукты; и какъ характеры духовной драмы, потомучто каждая система играетъ извѣстную роль въ своемъ исторически опредѣленномъ міровомъ порядкѣ. Вотъ простыя основанія, которыми будетъ руководиться мое изложеніе; если силы будутъ соотвѣтствовать намѣренію, то это сочиненіе должно представить въ чистой формѣ наглядный образъ всей совокупности новой философіи.» (Куно Фишеръ, т. I. Предисл., стр. IX).

Тотъ же взглядъ еще яснѣе онъ высказываетъ окончивши изложеніе Спинозы.

«Какъ при изложеніи, такъ и при изслѣдованіи философскихъ системъ, мы имѣли въ виду совершенно иную задачу, чѣмъ та, которую часто задаютъ себѣ при этихъ предметахъ, и рѣшеніе которой именно въ настоящее время требуется идіотами. Какой смыслъ можетъ имѣть изложеніе какой–нибудь системы, или какого–нибудь философскаго періода, если оно не погружается вполнѣ въ духъ своего объекта и не раскрываетъ въ немъ его собственный смыслъ такъ, что само отрѣшается отъ всего чуждаго и посторонняго, чѣмъ могло бы быть

нарушено истинное впечатлѣніе дѣла? Почему бы твореніе челоѣческаго духа не должно быть разсматриваемо съ тѣмъ же спокойствіемъ и вниманіемъ, съ какимъ разсматривается любопытное явленіе природы? Если физику дозволяется наблюдать свои предметы безъ всякой посторонней мысли и описывать ихъ съ невозмутимою точностью, то почему этотъ научный долгъ долженъ быть вмѣненъ намъ въ преступленіе, если мы съ такою же вѣрностью стараемся проникнуть и передать духъ какой-нибудь философской системы? При борьбѣ мнѣній, конечно участіе въ предметѣ спора можетъ выражаться только *порціально*; оно принуждено принять исключительную форму подачи голоса, потомучто здѣсь дѣло въ томъ, чтобы высказать свое мнѣніе и побороть чужое. Но гдѣ дѣло идетъ не о борьбѣ взглядовъ, а только о разсмотрѣніи и познаніи предмета, тамъ каждая подача голоса есть преждевременно поднятый крикъ и каждое парціальное сужденіе есть несвоевременное и вѣроятно незрѣлое мнѣніе, къ которому обыкновенно прибѣгаютъ люди несвѣдущіе. Вѣдь гораздо легче повторять уже готовое сужденіе, чѣмъ собственными усиліями, свободнымъ и основательнымъ изученіемъ познакомиться съ сущностью какого-нибудь дѣла. *Гораздо легче судить посредствомъ черепковъ, чѣмъ посредствомъ мыслей!* Въ отношеніи къ объектамъ должна существовать точка зрѣнія, на которой взгляды партій лишаются голоса; къ явленіямъ, довершоннымъ природою или исторіею, нужно умѣть стать въ отношеніе, которое было бы свободно отъ всякаго предубѣжденнаго настроенія, и только въ такомъ отношеніи къ вещамъ я могу представлять себѣ истинную науку. Спокойствіе совершившагося факта требуетъ спокойнаго и безстрастнаго обсужденія, и въ царствѣ познанія ничто не должно быть жертвою чуждаго мыслей остракизма. Сознаюсь, что въ отношеніи къ философскимъ системамъ я стараюсь достигнуть того чистаго и объективнаго настроенія духа, съ которымъ математикъ разсматриваетъ фигуры, естествоиспытатель тѣла природы, эстетикъ и археологъ произведенія искусства. Чѣмъ яснѣе и самостоятельнѣе каждый изъ нихъ понимаетъ и излагаетъ природу своего объекта, чѣмъ меньше вмѣшиваются въ ихъ изложеніе чуждые элементы, тѣмъ лучше, говорятъ, они разрѣшили въ данномъ случаѣ

задачу науки. Такъ напримѣръ математикъ объясняетъ и вычисляетъ свойства и фигурацію многогранника, незаботясь о томъ, что это тѣло можетъ быть острое, жесткое, и что люди могутъ ушибиться объ его ребра и углы. Такъ естествоиспытатель описываетъ всѣ части и отправленія челоѵческаго тѣла, безпokoясь объ общественныхъ правахъ и не боясь упрека въ неприличіи. Археологъ долженъ вдумываться въ языческое художественное произведеніе, историкъ въ чужое время, невзвѣсивая съ боязливой заботливостью, насколько первое удалено отъ нынѣшнихъ идеаловъ, а второе отъ настоящаго положенія дѣлъ. Если они только передаютъ свои объекты наглядно, вѣрно, конгеніально, то никто не спрашиваетъ и не заботится объ ихъ личномъ вѣроисповѣданіи. Почему же однѣ системы философіи должны составлять въ этомъ случаѣ исключеніе? Всякое изложеніе требуетъ одинаковаго стиля совершенной и простой объективности; оно не должно ни *укорачивать* своего предмета, умалчивая о какихъ-нибудь выдающихся его чертахъ, ни *искажать* его, навязчиво и несвоевременно примѣшивая къ нему собственное мнѣніе. Системы философіи сходны съ художественными произведеніями въ томъ, что въ нихъ обнаруживается опредѣленный духъ, и потому требуютъ, чтобы ихъ рассматривали какъ *живые* характеры, которыхъ нельзя изобразить обыкновеннымъ тономъ описанія и сказа. Чтобы быть къ нимъ справедливымъ, нужно воссоздать дѣло творенія въ живомъ духѣ ихъ творца, и отношеніе между объектомъ и изложеніемъ здѣсь будетъ похоже на то отношеніе, въ какое мимическій художникъ становится къ драматическому характеру. Система, излагаемая нами, есть *характеръ*, съ которымъ мы отождествляемся *до тѣхъ поръ*, пока заняты его изложеніемъ; ему *до тѣхъ поръ* принадлежатъ всѣ наши душевныя движенія, и мы вполне отличаемъ себя отъ него только тогда, когда уже высказали его послѣднюю мысль. Только такимъ образомъ мы въ этомъ случаѣ достигнемъ естественной правды» и т. д.

Изъ этихъ словъ, которыя, мы надѣемся, нимало не досадили читателю, всякій можетъ видѣть, что Куно-Фишеръ отлично понимаетъ свое дѣло. Рецензентъ же къ крайнему своему изумленію замѣтитъ, что можно быть гегелистомъ и однакоже нетолько не имѣть въ виду

искажать исторію философіи, но даже съ тончайшею проницательностью заботиться о вѣрности этой исторіи. Нашъ рецензентъ, когда самъ вздумалъ пояснить, какъ по его мнѣнію слѣдуетъ излагать исторію философіи, сумѣлъ только замѣтить, что ее нужно писать безъ *заднихъ мыслей*; едвали онъ признаетъ нужными также и какія-нибудь *переднія* мысли; такъ что мы думаемъ, точная его идея состоитъ въ томъ, что исторію философіи нужно писать просто *безъ мыслей*... Куно-Фишеръ, какъ отчасти убѣдился читатель, держится въ этомъ случаѣ болѣе опредѣленныхъ мнѣній.

Итакъ упрекъ въ искаженіи и не доказанъ, и судя по тому, какъ понимаетъ дѣло Куно-Фишеръ, едвали справедливъ. Другой упрекъ, на которомъ сильно настаиваетъ рецензія, заключается въ томъ, что Куно-Фишеръ не о всѣхъ философіяхъ говоритъ, что онъ будтобы пропускаетъ отличныхъ философовъ, такъ что читатели лишаются возможности выбрать то, что рецензентъ считаетъ лучшимъ, и могутъ заразиться тѣмъ, что далеко не лучшее. Какая нѣжная заботливость о читателяхъ! Какое рвеніе къ ихъ руководству и наставленію на путь истины! Дѣйствительно Куно-Фишеръ, особенно же если ограничиться его первымъ томомъ, непростительно виноватъ. Въ этомъ томѣ излагается подробно ученіе Декарта, затѣмъ вкратцѣ — его послѣдователей, наконецъ весьма пространно — ученіе Спинозы. И только. Мало, очень мало! Какъ не побояться въ самомъ дѣлѣ, что у насъ явится множество картезьянцевъ и спинозистовъ, между тѣмъ какъ рецензенту хотѣлось бы совсѣмъ другого! Какъ видно, Декартъ для него — ересь, и Спиноза — соблазнъ и безуміе. вмѣсто того чтобы говорить о нихъ, онъ старается указать, чего нѣтъ у Куно-Фишера; въ своемъ увлеченіи онъ доходитъ до того, что ставитъ ему въ упрекъ и въ коварство недостатокъ изложенія *великихъ натуралистовъ*...

Чего нѣтъ у Фишера! — Но помилуйте, нельзя же все вдругъ; хорошаго понемножку. Тѣ, которые хотятъ все вдругъ и все самое лучшее, кажется напрасно себя беспокоятъ такими глубокими мыслями. Если Куно-Фишеръ не представилъ ученія *великихъ натуралистовъ*, то тутъ бѣды никакой нѣтъ; этимъ дѣломъ занимались другіе. Натуралисты великіе и малые знакомы намъ можетъ-быть лучше, чѣмъ что-нибудь

другое. Вотъ недавно г. *Хотинскій* перевелъ «Изложеніе міра» маркиза *Лапласа*. Г. *Фроловъ* уже давно перевелъ «Космосъ» Гумбольдта. Астрономія, зоологія, ботаника и пр., все это намъ въ тысячу разъ знакомѣе, чѣмъ философія; между нашими натуралистами есть даже люди, извѣстные своими трудами Европѣ.

Изо всего приведеннаго нами читатель можетъ вывести только то прямое заключеніе, что книга Куно–Фишера не подходитъ подъ интересы рецензента. Это нимало не значить, чтобы она не подходила подъ интересы философіи. Въ самомъ дѣлѣ, этимъ интересамъ она служить какъ нельзя лучше. Главный предметъ книги составляетъ основательное и полное изложеніе философіи Спинозы, философіи, которая уже издавна считается неподражаемымъ образцомъ философскіхъ системъ. Система же Декарта служитъ естественнымъ и легкимъ введеніемъ въ философію Спинозы. Такимъ образомъ первый томъ Куно–Фишера можетъ служить средствомъ изучить образцовую философскую систему, которая, при всей своей глубинѣ, можетъ–быть наиболѣе доступна для начинающаго. Для всякаго же, кто проникнетъ въ духъ этой системы, философія, какъ говоритъ Гегель, будетъ уже знакома, будетъ уже своя.

Итакъ интересъ философіи и интересъ «Современника» не совпадаютъ. Тутъ нѣтъ ничего дурнаго и ничего мудренаго. Мало ли какіе у кого бываютъ интересы? Мудрено и дурно то, что это разнорѣчіе не сознается и потому не высказывается прямо, открыто. Гораздо бы послѣдовательнѣе было, еслибы «Современникъ» прямо отказался отъ философіи и не считалъ нужнымъ принимать на себя видъ, что онъ о ней заботится. Право эта откровенность вовсе не такъ страшна, какъ можетъ–быть думаетъ «Современникъ». Начто намъ въ самомъ дѣлѣ философія и исторія философіи? Эти праздныя умозрѣнія только мѣшаютъ дѣло дѣлать. Посмотрите на нѣмцевъ. Развѣ философія ихъ не испортила? Если положимъ и не испортила, то развѣ способствовала она чѣмъ–нибудь ихъ общему благосостоянію?

Еслибы такъ говорилъ «Современникъ», то онъ былъ бы несравненно послѣдовательнѣе и прямѣе, чѣмъ теперь. Слѣдовательно онъ былъ бы правѣе и съ чисто–философской точки зрѣнія. Потомучто

въ отношеніи къ философіи, какъ мы уже замѣтили, дурно стоятъ на низкой степени философіи; хуже того — не имѣть никакой философіи; но еще хуже, и хуже этого ужь и быть ничего неможетъ, — неимѣть никакой философіи и однакоже считать себя философомъ и быть вполнѣ довольнымъ собою.
